

TEO-LOGOS

Αθανάσιος
Αλεξανδρείας

Η ενανθρώπιση του λόγου

Святитель Афанасий
Александрийский
О Воплощении

РИПОД
КЛАССИК

УДК 27-1
ББК 86.37
А94

*Перевод под редакцией проф. П. С. Делицына
Вступительная статья А. В. Маркова*

Афанасий Александрийский, святитель

А94 О Воплощении / св. Афанасий Александрийский ;
[пер. под ред. проф. П. С. Делицына; вступит. ст. А.
В. Маркова]. — М. : РИПОЛ классик. — 622 с. —
(ТЕО-LOGOS).

ISBN 978-5-519-64149-4

Святитель Афанасий Александрийский, прозванный Великим, первый богослов, обосновавший догмат Воплощения как необходимую часть христианской жизни. Он соединил в себе аскетический настрой, философскую пронизательность и умение формулировать догматы как всеобщие истины. Церковное учение было для него самим дыханием христианских добродетелей. Труды Афанасия Великого и в наши дни раскрывают церковные догматы как правила, по которым в христианском мире действуют вера, надежда и любовь.

УДК 27-1
ББК 86.37

*Печатается по изданию «Творения иже во святых отца нашего
Афанасия Великаго, архиепископа Александрийскаго».*

Часть первая. Издание 2-е, испр. и доп. —

*М.: Издание Спасо-Преображенскаго Валаамскаго монастыря,
1994. (Репр. изд.: СТСЛ, 1902).*

© Марков А. В., вступительная
статья, 2018

© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

ISBN 978-5-519-64149-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда великим называют ученого, художника или полководца, конечно, вспоминают раннюю смелость: доказанную в юности теорему, поражавшие мастеров карандашные рисунки, или командование отрядом, в котором все были старше по возрасту. Когда великим называют богослова, внимают не только смелости, но и милости. Великий богослов — тот, кто милостив даже тогда, когда ему приходится взять небывалую суровую ответственность за все благополучие Церкви: так именуются римские папы Лев Великий и Григорий Великий, так именуется Афанасий Великий.

Афанасий Великий родом был из состоятельной александрийской семьи, но с самого начала жизни принадлежал не только ей. Он с детства был отдан на воспитание александрийскому патриарху Александру, по старому римскому обычаю: кто желал быть среди патрициев, кто хотел научиться принимать ответственные решения, тот с первых лет, едва научившись строить фразы, уже обязан был посещать заседания Сената, внимая и понимая, что обсуждается на них, сопровождать наставника и за едой, и в путешествиях, и в разборе бумаг, тем самым перенимая спокойствие его величия. Но Афанасий учился не только ведению дел

епархии, но и участию в просветительских беседах: не только торжественным выступлениям, но и не менее ответственным высказываниям по самому незаметному поводу.

Когда Афанасий Александрийский, сопровождая наставника, отправился на Первый Вселенский Собор в 325 г., ему точно не было еще и тридцати: он не мог быть даже рукоположен диаконом, и поэтому служил на низшей должности анагоста-чтеца. В обязанности чтеца входило чтение библейских книг перед народом, с целью просвещения и утешения; иногда чтец мог также объяснять прочитанное, или же вести разговоры с новообращенными. Но главное, что от него требовалось — умение читать выразительно, нараспев, музыкально, во всеуслышание. Нам, знающим по преимуществу лишь актерскую декламацию, трудно представить себе, сколь важным было ритуальное чтение для столь разных культур, как ближневосточная и греко-римская. На Ближнем Востоке умение читать вслух — первое умение будущего мудреца, умение привлечь к себе внимание слушателей хотя бы ненадолго, чтобы после мудрость старших пленила их надежно. Это умение вернуть документ, официальный учет, летопись или бухгалтерскую ведомость, из стен канцелярии к открытому обсуждению. В древней Греции нараспев читали стихи как объявления богов, например, так декламировали оды Пиндара, воспевавшие победителей олимпийских состязаний, избранных богами — чтец тогда был как сейчас изготовитель афиш для зрелища, или как рекламист, или как корре-

спондент, ведущий прямой репортаж: прежде чем величие самого зрелища увидит и старый, и молодой, монументальность чтения, запечатлевающего событие, документировала его лучше любой записи. Чтецом Афанасий прослужил не меньше шести лет, и это означало, что он учился мудрости у наставника-епископа, одновременно обучаясь беседе с самыми различными аудиториями.

В 328 году, по одним рассказам в 33 года, по другим даже раньше, Афанасий становится александрийским патриархом, сменив умершего вскоре после Первого Вселенского собора патриарха Александра. Египетская Александрия до сих пор — нарицательное название космополитического города, как центра образования, при этом таинственного даже в бытовых жестах, не говоря уже о щемящей тайне культурной памяти о нем. Если в античности как не стихающую боль утрат цветущих городов вспоминали Трою и Микены, Фивы и Делос, то в новое время стало принято вспоминать Александрию; даже декадентскую манерность иногда называли «александризмом», имея в виду смутные мистические увлечения и многоязычие. Поэты символистских школ воспевали древнюю Александрию бледных писцов и мучительных красавиц. Но на самом деле Александрия была городом с постоянно меняющимся населением, бунтами, дороговизной, со всеми пороками портового города. Город грузчиков и торговцев постоянно угрожал взрывом страстей, сметающих все на пути и меняющих все расклады привычек к мирной жизни.

Уже из этого понятно, чем должен был заниматься юный церковный администратор и помощник в проповедях. Жители Александрии, как и любого космополитического города, думали каждый о собственной славе, легко сговаривались одни против других и с недопустимым легкомыслием подчиняли ум всяческим суевериям. Афанасий боролся с такими настроениями: ответственность за каждого, с кем подружился, была для него важнее успеха.

Афанасий Александрийский прежде всего известен как противник Ария, александрийского священника, желавшего быть епископом, но не преуспевшего в этом. Арий встал во главе богословского синтеза, который, если бы не Афанасий и другие серьезные богословы, стал бы единственным официальным богословием Империи после принятия ею христианства. Арий рассуждал так: следствие никогда не бывает больше причины, и значит, Сын не может обладать всеми теми же свойствами, что Отец. Три лица Троицы — это три разных уровня Божества, связанные единым действием, но не единой природой. Христианский Бог оказался похож на любой позднеримский пантеон.

Но не нужно считать Ария просто мастером компромиссов, который представлял христианство удобным для недавних язычников образом; иначе мы не поймем, почему на несколько десятилетий на стороне Ария оказалась большая часть Империи, от самых верхов до низов. Арий был, как сказали бы тогда, «технолог»: иначе говоря, он переносил в богословие правила логического и риторического искусств. Логика тре-

бовала, чтобы причина была первична, а риторика, чтобы она была непритворным началом всех наших притворных суждений. Можно сказать, что Арий, сочинитель популярной оратории «Талия» (текст до нас не дошел, но по рассказам, это была именно поп-музыка), развертывал перед умственным взором своих слушателей настоящее шоу, в котором разные искусства создают неотразимый образ Божества.

Дебютом противников Ария стал Первый Вселенский собор, на котором был сформулирован догмат о единосущии Отца и Сына. Термин единосущие звучал необычно: в Библии его нет, сущность — сложное философское понятие, вряд ли сразу доступное простым христианам. Но отцы Первого Вселенского собора смело ввели новый термин как единственный, позволяющий созерцать Бога без предварительных условий; тогда как арианство было именно попыткой найти те интеллектуальные условия, которые позволят созерцать Бога.

Афанасий Александрийский, выступая против Ария и его последователей, приводил простые доводы, почему нельзя считать Сына не равным Отцу. Если продумать высказывания Ария, то Сын окажется бесконечно зависим от обстоятельств — от решения о нем, от отцовской заботы, отцовской мысли и разнообразных обстоятельств этой мысли. Сын тогда окажется хуже творений, потому что если творения несут на себе следы мудрости и заботы Бога, то Сын окажется лишь переменной, зависящей от уже проявленной мудрости и заботы, окажется всего-навсего символом, которому

временные обстоятельства припишут любое значение. Вместо торжествующей картины Отца, возвышающегося в возвышенном создании Сына, которую хотел видеть Арий, мы остаемся наедине с унижением со стороны случайных обстоятельств, выдающих себя за необходимость.

Другая слабость богословских построений Ария — подрыв библейских именовании Бога. Само слово Сын подразумевает рождение и единство природы, — и если мы будем считать Сына лучшим творением, собранием желаний и задач Бога-Отца, каких-то невнятных порывов свыше, то мы просто перестанем ориентироваться в духовном опыте, заблудившись в лесу незавершенных замыслов: любой духовный факт нас будет только озадачивать, и мы растворимся в собственных бесплодных желаниях. Не узнавая истину, мы будем узнавать лишь сравнения и подобия, всё больше запутываясь в них. Только созерцание единства природы показывает, как созерцание качественно меняет наши привычки всё со всем сравнивать: по-настоящему созерцая, мы по-настоящему знаем самые основания сравнения.

Как епископ, Афанасий соблюдал обычай объезжать все храмы своей епархии, везде проповедуя и беседуя с народом. Иногда ему приходилось скрываться, и тогда он обращался за помощью к монашеству. Так, в 335 г. Афанасий был осужден Тирским собором по обвинению в организации убийства священника Арсения. Арсений придерживался позиций Мелития, сурово относившегося к отступникам, считавшего, что свя-